

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ НАЧАЛА XX в.

Рассматриваются место и роль рыночной системы хозяйствования в функционировании и развитии крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Работа основана на подворных данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии и математико-статистической методике обработки и анализа ее сведений.

При изучении аграрного развития Западной Сибири конца XIX – начала XX в. в поле внимания исследователя неизбежно попадает проблема соотношения рынка и крестьянского хозяйства как главных пружин социально-экономического развития края. В социокультурном плане это вопрос о соотношении в крестьянском хозяйстве традиционной и товарной форм хозяйствования.

Одним из основных аспектов проблемы является вопрос о степени влияния рыночных отношений на функционирование и развитие крестьянского хозяйства региона в начале XX в. Для его решения сибиреведами было сделано очень многое [1, 4, 10, 20]. В частности, достаточно полно освещена роль товарно-денежных отношений в хозяйственной деятельности зажиточного крестьянина. Его хозяйство вполне резонно отнесено к предпринимательскому типу. Вместе с тем рыночная деятельность середняка и бедняка была изучена хуже. Не была определена степень ее воздействия на функционирование их хозяйств. Нет взвешенной оценки влияния рынка и на состоятельное крестьянское хозяйство. В общем, проблема соотношения и воздействия на крестьянское хозяйство края традиционной и товарно-денежной форм хозяйствования требует дальнейшего изучения.

Среди причин такого состояния проблемы необходимо прежде всего отметить несовершенство методологических подходов к ее разработке, чрезвычайную узость источниковой базы и слабость применявшейся статистико-описательной методики. Что касается бытовавшего в советской сибиреведческой литературе подхода, то его несовершенство заключалось в слишком упрощенном, механистическом определении рыночного типа хозяйствования. К рыночному типу историки-аграрники относили только те хозяйства, в которых денежные расходы и доходы в бюджете составляли не менее 50%. Реально же в их распоряжении имелись лишь непредставительные данные выборочных бюджетных обследований, по которым стоимостная часть хозяйственного бюджета у сибирских крестьян, включая самых богатых, никогда не превышала 40–45% [12, 17]. В результате исследователи, не имея надлежащей источниковой базы, попадали в тупик. Единственно возможный выход из него – учет реальной, системной природы крестьянского хозяйства, соответствующее переосмысление подходов к нему, опора на представительные массовые источники и более эффективные методики обработки и анализа их данных.

В настоящее время аграрная история России идет именно по этому пути [7–9]. В ней утвердился системный социокультурный подход. Он требует рассматривать крестьянское хозяйство как целостную систему, а сам процесс его эволюции – как результат развития и

взаимодействия составляющих его традиционной и товарно-денежной форм хозяйственной культуры. В прежней, марксистской, трактовке, которая господствовала в советской аграрной истории, исследуемый процесс понимался линейно – как разрушение патриархального уклада и его перерастание в товарно-капиталистическое производство. Это была явно упрощенная и искусственная схема. В действительности крестьянское хозяйство России и Сибири начала XX столетия развивалось как устойчивая культурная система, представляя собой процесс взаимодействия постоянно воспроизводившейся традиционной культуры и новой системы товарно-денежных отношений. Ведущая роль в этом процессе, безусловно, принадлежала активной и динамичной рыночной культуре хозяйствования. Поэтому она оказалась в центре настоящей статьи. Ее задачи следующие. Во-первых, оценить степень сформированности системы товарно-денежного производства; во-вторых, выяснить, как происходило взаимодействие патриархального и рыночного укладов; в третьих, попытаться определить сущность внутренней социально-экономической природы крестьянского хозяйства Сибири начала XX в.

Крестьянское хозяйство было социально-экономической и культурной системой с присущей ей структурной и функциональной целостностью. Поэтому его следует изучать целостно-системно, как структуру взаимосвязей между существенными элементами. По мере вовлечения в буржуазные, рыночные отношения и развития по этому пути крестьянское предприятие все более подчинялось объективным закономерностям товарно-капиталистического производства и рынка в лице закона стоимости и конкуренции. В результате формировалась сбалансированность между главными компонентами производственно-технической базы хозяйства (посев, лошади, коровы и др.) и устанавливался рыночный тип производственного строя [11. С. 303, 316]. И чем сильнее была взаимосогласованность в изменениях производственно-технических элементов, тем большей становилась вовлеченность крестьянского двора в рыночные отношения.

Чтобы осуществить целостный подход к анализу крестьянского хозяйства, необходимо математически смоделировать его производственную структуру. С этой ролью прекрасно справляется корреляционная методика моделирования, основанная на парных линейных коэффициентах корреляции [9. С. 137–165]. Среди значений коэффициента следует выделить как очень тесные величины от 0,6 до 1,0. Именно они говорят о преобладании или решающей роли в воздействии на систему какого-либо фактора.

В качестве источниковой основы были избраны подворные материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии, которые охватывают две трети крестьянских хозяйств Западной Сибири. Сохранились примерно 250–350 тыс. подворных карточек, что составляет 35–50% от генеральной совокупности в 680 000 единиц [3. Д. 1–211]. Программа обследования отразила практически все стороны крестьянского хозяйства: население, семейную и наемную рабочую силу, землепользование, посевы, рабочий и продуктивный скот. Поэтому его данные вполне позволяют изучить внутренний производственно-экономический строй западно-сибирской деревни начала XX в.

Из совокупности имеющихся подворных карточек были сделаны две типические выборки волостей зерновой и молочной, животноводческой специализаций [3. Д. 5, 11, 22, 27, 41, 52]. В качестве типических критериев были взяты средние подворные данные по посевам, рабочим лошадям, молочным коровам, семейным работникам, плугам, усовершенствованному инвентарю, мельницам и маслодельским заведениям. Учитывались и природные условия. Затем из типических специализированных волостей (по 6 тыс. дворов) для обработки на ЭВМ были осуществлены две случайные выборки примерно по 400 дворов.

Попавшие в эти выборки крестьянские хозяйства обоих типов были разделены на 5 групп (основные и переходные). *Земледельческие дворы*: I группа – беспосевные; II – с посевом до 5 дес.; III – с посевом от 5 до 10 дес.; IV – с посевом от 10 до 15 дес. и V – с посевом более 15 дес.

Животноводческие хозяйства: I группа – бескоровные; II – с 1–2 коровами; III – с 3–4 коровами; IV – с 5–6 коровами; V – с 7 и более коровами. Некоторые отличия этих группировок от общепринятых связаны с рыночными специализациями выборок [2. С. 98–104]. Средние подушевые размеры хозяйства в каждой из выделенных групп показаны в табл. 1, 2. Из них, в частности, видно, что животноводческая выборка оказалась менее однородной, чем зерновая.

Обратимся к результатам корреляционной обработки подворных данных переписи. Наибольший интерес среди них представляют те, которые позволят определить, потребительские или рыночные факторы преобладали в воздействии на функционирование и развитие крестьянского хозяйства.

С целью выяснить значение потребительского фактора рассмотрим взаимосвязи представляющего его показателя размеров семьи и основных хозяйственных признаков (см. табл. 3). Как следует из данных таблицы, указанные взаимосвязи либо слабы, либо незначимы. Действительно, в зерновой выборке связь размеров семьи и посева в IV и V группах отсутствует, а во II и III группах она очень слабая (0,21 и 0,24). Аналогичное положение и в хозяйствах скотоводческой специализации: в двух высших группах связь между населением и количеством голов продуктивного скота незначима, в то время как в низших она значима, но слаба. Отмеченные черты, таким образом, указывают на то, что во внутреннем строе крестьянского хозяйства края начала XX в. размеры семьи не определяли величину производства. Потребительский фактор не имел решающего влияния на крестьянское хозяйство. Его роль в воздействии не превышала 25%.

Т а б л и ц а 1

Обеспеченность основными средствами производства и рабочими ресурсами хозяйств зерновой специализации

Показатели на душу	Группы хозяйств с посевом на двор (дес.)					В целом
	I 0	II 0,1–5	III 5,1–10	IV 10,1–15	V св. 15	
Семейные работники (чел.)	0,53	0,53	0,46	0,53	0,51	0,51
Наемные работники (годовые и срочные, чел.)	0,005	0,01	0,02	0,03	0,09	0,02
Рабочий скот (голов)	0,25	0,5	0,75	0,9	1,0	0,7
Коровы (голов)	0,3	0,4	0,45	0,5	0,6	0,45
Продуктивный скот (голов)	0,5	0,6	0,7	0,8	1,0	0,7
Посев на своей земле (дес.)	0	0,7	1,5	2,1	3,3	1,4
Посев на арендованной пашне (дес.)	0	0,1	0,1	0,2	0,4	0,2
Весь посев (дес.)	0	0,8	1,6	2,3	3,7	1,6
Посев яровой пшеницы (дес.)	0	0,6	1,0	1,4	2,2	1,0
Посев овса (дес.)	0	0,2	0,5	0,8	1,4	0,5
Размер семьи (чел.)	3,7	3,9	5,4	6,0	7,3	5,1
Дворов в группе	43	141	123	53	62	422

Т а б л и ц а 2

Обеспеченность основными средствами производства и рабочими ресурсами хозяйств животноводческой специализации

Показатели на душу	Группы хозяйств с посевом на двор (дес.)					В целом
	I 0	II 1–2	III 3–4	IV 5–6	V 7 и больше	
1	2	3	4	5	6	7
Семейные работники (чел.)	0,48	0,42	0,42	0,49	0,46	0,44
Наемные работники (годовые и срочные) (чел.)	0	0,01	0,03	0,05	0,09	0,03
Рабочий скот (голов)	0,3	0,45	0,6	0,8	0,9	0,6

1	2	3	4	5	6	7
Коровы (голов)	0	0,4	0,7	1,2	1,6	0,7
Продуктивный скот (голов)	0,1	0,6	1,0	1,6	2,2	1,1
Посев на своей земле (дес.)	0,2	0,5	0,7	1,2	1,3	0,75
Посев на арендованной пашне (дес.)	0,1	0,05	0,15	0,1	0,2	0,1
Весь посев (дес.)	0,3	0,55	0,85	1,3	1,5	0,85
Посев яровой пшеницы (дес.)	0,25	0,35	0,55	0,7	0,8	0,5
Посев овса (дес.)	0,05	0,15	0,2	0,5	0,5	0,25
Размер семьи (чел.)	4,6	5,0	5,6	5,7	7,4	5,6
Дворов в группе	32	145	99	64	57	397

Таблица 3

Взаимосвязь размеров семьи с производственными показателями в хозяйствах различных социальных групп

Показатели на хозяйство	Зерновые хозяйства с посевом (дес.)				Молочные хозяйства с числом коров			
	II 0,1–5	III 5,1–10	IV 10,1–15	V Св. 15	II 1–2	III 3–4	IV 5–6	V 7 и свыше
Наемных рабочих (чел.)	0,7	0,1	–16	0,4	0,9	0,6	0,1	0,3
Рабочего скота (голов)	13	15	–0,8	0,9	36	36	27	53
Продуктивного скота (голов)	–0,9	0,8	18	14	28	20	0,4	0,9
Всего посева (дес.)	21	24	0	12	30	37	42	44
Арендной пашни (дес.)	18	–0,5	–28	–28	0,5	25	17	–14

Далее, с целью определения роли рыночного фактора необходимо перейти к анализу состояния структуры производственно-технической базы в хозяйствах различных социальных категорий западно-сибирского крестьянства (табл. 4).

Предварительно важно учесть, что исследованию подлежат «чистые» специализированные (зерновой и живот-

новодческий) типы хозяйства. Это требует акцентировать внимание на взаимосвязях общих и типобразующих элементов производственно-технической базы. Таковыми для земледельческой специализации являются рабочий скот и посев, а для скотоводческой – рабочие лошади и продуктивный скот. Именно на эти пары признаков и следует обратить внимание при корреляционном анализе.

Таблица 4

Сбалансированность компонентов производственно-технической базы в различных социальных группах

Группа	Коррелируемые признаки в расчете:	Специализация							
		зерновая				животноводческая			
		Пары коррелируемых признаков							
		Лошади – продуктивный скот	Лошади – посев	Продуктивный скот – посев	Средний коэффициент корреляции	Лошади – продуктивный скот	Лошади – посев	Продуктивный скот – посев	Средний коэффициент корреляции
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10
V	На двор	58	69	60	62	48	62	53	54
	На душу	70	85	71	75	72	54	60	62
	На семейного работника	80	91	84	85	78	47	53	59
	На дес. посева, на голову прод. скота		73		73	83			83
IV	На двор	42	33	04	26	23	69	39	44
	На душу	69	84	50	68	73	54	21	49
	На семейного работника	69	90	61	73	76	56	34	55
	На дес. посева, на голову прод. скота		83		83	93			93

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
III	На двор	53	23	31	36	21	64	39	41
	На душу	77	73	65	72	22	28	10	20
	На семейного работника	82	75	64	74	48	59	38	48
	На дес. посева, на голову прод. скота	81		81	81	87			87
II	На двор	29	49	23	34	49	58	57	55
	На душу	58	66	51	58	37	55	18	37
	На семейного работника	60	67	54	60	66	65	58	63
	На дес. посева, на голову прод. скота	–	59-	–	59-	83			83
I	На двор	–	–	–	–	66	82	71	73
	На душу					38	44	60	47
	На семейного работника	–	–	–	–	51	81	55	62
	На дес. посева, на голову прод. скота					83			83
В целом	На двор	77	82	68	76	63	74	65	67
	На душу	74	68	48	63	50	48	59	52
	На семейного работника	84	82	71	79	59	69	63	64
	На дес. посева, на голову прод. скота		73		73	67			67

В хозяйствах зернового типа во всех социальных группах наблюдается очень высокий уровень сопряженности рабочего скота и посева практически на всех уровнях, кроме подворного.

В III–IV группах согласованность выражена коэффициентом корреляции, превышающим 0,7; а во второй группе она близка к этой величине. В IV–V группах животноводческой специализации взаимосвязь рабочих лошадей и продуктивного скота также превышает 0,7 во всех аспектах, включая подворный. В I–III группах отмеченная закономерность в плане подшевых показателей не проявляется. Связано это с тем, что одномерная группировка по коровам оказалась менее однородной, чем зерновая. В результате в животноводческую выборку попало много дворов чисто зерновой специализации, оказавшихся именно в рассматриваемых группах. Усиление неоднородности, естественно, снизило уровень корреляции. Тем не менее корреляционный метод уловил искомую закономерность на самом глубинном, производственно-техническом уровне. Действительно, коэффициент корреляции между рабочим и продуктивным скотом в расчете на 1 дес. посева в I–III группах превышает 0,8. Достаточно четко данная черта фиксируется и в организационно-производственном аспекте (в расчете на работника).

Таким образом, для всех социальных типов крестьянских предприятий и крестьянского хозяйства Западной Сибири в целом была характерна весьма высокая степень сбалансированности основных производственно-технических компонентов. Взаимосвязи между основными элементами производственной базы во всех группах крестьянских хозяйств были близки к величине 0,7. Особенно тесными были взаимосвязи между признаками, которые образовывали тип рыночной специализации крестьянского предприятия. Их величины колебались в пределах 0,7–0,8. Это означает, что в основе функционирования и развития производственной базы хозяйства крестьянского типа лежало воздействие единого фактора – рыночных, товарно-капиталистических отношений. Следовательно, в начале XX в. производственно-технический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири во всех своих социальных группах и в целом был подчинен воздействию объективных закономерностей товарно-капиталистического производства.

Проведенное выше исследование включает в себе ряд недостатков. Главный среди них – относительно низкая сбалансированность некоторых технических показателей в малопосевной группе и в хозяйствах середняков и бедняков животноводческой выборки. По-

этому можно прибегнуть к более сильной методике, предложенной И.Д. Ковальченко.

Ее суть в следующем. В условиях господства капиталистического рынка регулятором рыночных цен являются цены производства, которые складываются из издержек производства и средней прибыли. Чтобы получить среднюю прибыль и тем самым сохранить конкурентоспособность, крестьянину, ведущему самостоятельное хозяйство, необходимо поддерживать издержки производства на уровне не выше общественно необходимых затрат. Это требует, чтобы его хозяйство было в должной степени обеспечено производственными фондами. Фондовооруженность, отражающая уровень общественно необходимых затрат капитала, во всех социальных подразделениях крестьянского хозяйства должна быть примерно одинаковой. Равная фондовооруженность и обеспечивает получение одинаковой (средней) прибыли. Следовательно, выявив в различных типах хозяйства западносибирского крестьянства наличие примерно одинаковой оснащенности производственными фондами, а значит, и возможность получения средней прибыли, можно доказать их подчиненность закономерностям товарно-капиталистического производства [14].

Эта задача была решена И.Д. Ковальченко на основе бюджетных данных и статистико-описательной методики. На базе неполных сведений сельскохозяйственной переписи 1916 г. и обычной статистической методики настоящая задача неразрешима. Впрочем, она неразрешима вообще на сибирских материалах, поскольку по крестьянскому хозяйству края начала XX в. имеется всего лишь 21 бюджет [6]. Поэтому предпринимаемая в настоящей работе попытка решить ее с помощью корреляционной методики – пока единственно возможный вариант.

Будучи неполной, перепись 1916 г. дает очень приблизительные представления о фондовооруженности крестьянского хозяйства. В нашем случае фондовооруженность выражена производственными показателями (рабочие лошади, продуктивный скот, посев), рассчитанными на I дес. посева и на I голову рабочего продуктивного скота, т.е. налицо только существенный фрагмент фондооснащенности. Он различен в различных социальных типах хозяйства и даже в отдельных хозяйствах. Но его изменения, поскольку почти все дворы находились в одинаковых рыночных условиях, должны были происходить по единому закону и быть едиными с изменениями фондовооруженности в целом. В общем, с точки зрения динамики изменений и отношений наш фрагмент вполне представлял полную фондовооруженность. Поэтому в данном вопросе можно воспользоваться построенной на относительных величинах корреляционной методикой.

Обратимся к результатам корреляционного анализа данных. Они, к сожалению, оказались очень обширными и громоздкими даже в табличном исполнении, поэтому привести их в полном виде оказалось невозможным. Суть их в том, что во всех социальных группах показатели фондовооруженности не имели взаимосвязей с другими внутренними сторонами хозяйственной жизни. Коэффициенты корреляции между ними практически незначимы (для доверительной вероятности в

99,5%). Следовательно, во всех типах крестьянских хозяйств, включая малосостоятельные, и по крестьянскому хозяйству в целом оснащенность производственными фондами (или издержки производства) практически не зависела ни от уровня производства в душевых показателях, ни от обеспеченности рабочими ресурсами. Не зависела она и от показателей, характеризующих достигнутый в хозяйстве уровень капиталовооруженности и производительности труда (лошади, продуктивный скот и посев в расчете на 1 семейного работника), а также от показателей расширенного типа воспроизводства (доля наемного труда и доля арендованного посева).

Полученные корреляционные результаты, таким образом, указывают на то, что во всех категориях крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. оснащенность производственными фондами внутрихозяйственными факторами не определялась. Ее уровень обуславливался каким-то единым для всех хозяйств внешним фактором. Несомненно, что в условиях господства в экономике пореформенной России, и сибирского региона в частности, рыночных отношений этим фактором был уровень общественно необходимых затрат. Следовательно, все типы крестьянских хозяйств южной части Западной Сибири имели примерно одинаковую фондовооруженность (или издержки производства в расчете на производственную единицу) и на одинаковые производственные издержки получали одинаковую, среднюю прибыль.

Об одинаковой оснащенности производственными фондами свидетельствуют и наиболее важные прямые данные переписи. Так, в хозяйствах товарно-молочной направленности доля коров в стаде продуктивного скота во всех группах была примерно одинаковой: 69–72%. В хозяйствах зерновой рыночной специализации разброс среднegrupповых величин по всему показателю гораздо выше: 55–69%. В то же время – и это самое важное – одинаковая доля в посевах товарных культур яровой пшеницы и овса. Колеблется она здесь в пределах от 95 до 97%. Для молочной специализации разброс от 55 до 87%.

Как видим, специальный анализ производственно-технического строя на предмет соответствия производственных издержек уровню общественно необходимых затрат также подтверждает вывод о том, что во всех социальных группах западносибирского крестьянства внутренний производственно-технический строй хозяйства был подчинен товарно-капиталистическим закономерностям, при господстве которых регулятором рыночных цен выступали цены производства. Все типы крестьянских хозяйств функционировали, ориентируясь на общие рыночные требования.

Воздействие рынка на крестьянское хозяйство края проявлялось и через экономическую конъюнктуру. Поэтому чрезвычайно интересно проследить, реагировали или нет крестьянские предприятия региона на изменения рыночной конъюнктуры.

В период Первой мировой войны она обуславливалась массовыми закупками овса для действующей армии. Так, из урожая 1915 г. в Западной Сибири Особое Совещание по продовольствию закупило 10,4 млн пудов овса и лишь 4,7 млн пудов яровой пшеницы [22. С. 9–10]. Всего же в этот год из Сибири было вы-

везено 29 млн пудов овса [16. С. 51]. Закупки овса стали важнейшим фактором, воздействовавшим на крестьянское хозяйство края [15. С. 221].

В связи с повышением спроса цены на овес стали быстро расти. В период с 1914 по 1916 г. они выросли в Томской губернии примерно в 3 раза, в то время как на

яровую пшеницу только в 2 раза [14; С. 103–104, 11–112; 15. С. 162–164, 166]. Крестьянское хозяйство края отреагировало на это расширением посевных площадей под овес. В результате доля овса в посеве неуклонно повышалась (табл. 5) [5. С. 18; 18. С. 86–87, 100–101; 21. С. 72–73, 84–85].

Таблица 5

Доля овса в посевных площадях крестьянского хозяйства Западной Сибири, %

Регион	1916	1917
Алтайско-Томская часть Западной Сибири	28,0	29,8
Тобольская губерния	36,0	36,9
Акмолинская область	18,4	20,4

Данные корреляционного анализа подворных материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии обнаруживают эту тенденцию в зерновых хозяйствах всех социальных групп (см. табл. 6). В самом деле, взаимосвязь доли посева овса с обеспеченностью посевом и рабочим скотом на душу во всех типах хозяйств была положительной, в то время как взаимосвязь доли посева яровой пшеницы – отрицательной. Это указывает на то, что с ростом производственно-

технической базы хозяйства и расширением посевных площадей крестьяне в 1916 г. в большей степени увеличивали посевы овса, чем яровой пшеницы. В высшей группе отмеченная тенденция проявлялась менее ярко, что, очевидно, было следствием более быстрого отклика на конъюнктуру хозяев-предпринимателей. Посевы овса они начали увеличивать еще в 1915 г. И на момент переписи их доля в зажиточной группе составила 36% против 19,6% в малопосевной II группе.

Таблица 6

Взаимосвязи долей овса (в числителе) и яровой пшеницы (в знаменателе) в посеве с показателями производства в хозяйствах зерновой специализации

Показатели	Группа				В целом
	II	III	IV	V	
Рабочего скота на душу	30/–28	17/–24	30/–30	18/–10	41/–4
Посева на душу	40/–35	20/–20	24/–28	12/–3	53/–7

В полученных данных очень важно то, что бедняцкое зерновое хозяйство также жестко подчинялось в своем функционировании рынку. В животноводческой специализации бедные двory были связаны с рынком сильнее, чем в земледельческих местностях, поскольку они вели в высокой степени ориентированное на рынок молочное хозяйство. Молоко сдавалось ими на маслодельские предприятия. Так, по данным выборочного обследования старожильческих и переселенческих хозяйств в Томской губернии, проведенного в 1912–1913 гг., около 45% расположенных в лесостепной зоне старожильческих дворов с посевом до 3 дес. (они имели по 1–2 коровы) продавали сельскохозяйственные продукты. Более 70% из них продавали молочные продукты. В связанных с рынком бедняцких дворах более трех четвертей денежных доходов поступало от продажи молока [17. С. 426–427].

Отмеченные факты, как представляется, серьезно подрывают позицию тех исследователей, которые считают хозяйство бедняка потребительски-натуральным.

Итак, корреляционно-факторный анализ показал, что во всех типах крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. потребительские стимулы решающей роли не играли. В основе функционирования и развития производственно-технической базы крестьянских предприятий всех социальных категорий лежало воздействие рыночного фактора. Рыночный фактор был определяющим в том смысле, что его роль превышала 50% в общей факторной нагрузке. Следовательно, внутренний, производственно-экономический строй

западносибирской деревни был подчинен объективным закономерностям товарно-капиталистического производства. Все типы крестьянских хозяйств функционировали, подчиняясь воздействию рыночных цен, регулятором которых были цены производства. Производственные издержки в них поддерживались на уровне средних общественно необходимых на данный момент затрат, что обеспечивалось их примерно одинаковой фондовооруженностью и позволяло основной массе крестьянских предприятий получать среднюю прибыль. Это дает основание предположить, что в 1910-х гг. в сельском хозяйстве Западной Сибири, в обширной полосе вдоль железнодорожных и речных путей сообщения, сформировалась средняя норма прибыли. Корреляционная методика, правда, не дает средств для расчета ее величины. Однако можно предположить, что она была близка той норме прибыли, которая сложилась в среднечерноземной полосе Европейской России. Здесь, по подсчетам И.Д. Ковальченко, ее величина составила 14–21% [8. С. 74–75].

Отмеченные факты, таким образом, показывают преимущественно товарный характер применявшихся во всех типах крестьянских хозяйств средств производства. Из этого следует, что внутренний, производственный строй большинства крестьянских хозяйств, включая бедные, был по своему объективному содержанию товарно-капиталистическим. Вместе с тем если иметь в виду ведущую роль социальных аспектов структуры: преобладание во всех слоях сибирской деревни начала XX в. собственного, семейного труда и

традиционной трудовой ментальности, то общий социально-экономический строй крестьянского хозяйства следует признать традиционным. Об этом ярко свидетельствуют связи социальных показателей (размер семьи и количество семейных работников обоего пола) с производственными признаками. Они оказались слабыми: приблизительно на уровне 0,30. Это указывает на то, что характерное для господствующего товарного хозяйства рациональное соотношение между размерами производства и числом семейных работников в начале XX столетия еще не сложилось. Гораздо теснее была социокультурная взаимосвязь между количеством семейных работников и величиной семьи. Ее уровень – 0,65. Из этого вполне очевидно следует, что в крестьянском хозяйстве Сибири рассматриваемого периода господствовала основанная на семейной труде и патриархальной культуре традиционная система хозяйствования. О том же свидетельствуют низкая доля найма (не более 20% даже в зажиточных дворах) и господство полунатуральных форм оплаты труда сельскохозяйственных наемных рабочих.

Таким образом, в процессе взаимного слияния и «диалога» двух хозяйственных культур господствующую, системостабилизирующую роль играла традиционная, натурально-потребительская система хозяйствования. Традиционная культура хозяйствования в процессе втягивания сибирской деревни в товарно-денежные отношения не разрушалась. Она сохраняла свою целостность и устойчивость, поскольку сохранялась ее главная основа – семейная рабочая сила и кре-

стьянская трудовая (духовная) культура. Товарная же форма хозяйствования не замещала прежнюю систему. Она лишь естественным путем включалась в традиционную крестьянскую систему хозяйствования, несколько видоизменяя ее. Товарно-денежная система как бы надстраивалась над традиционной культурой, рационализируя только производственно-техническую сторону крестьянского хозяйства. Главная, социокультурная сторона его функционирования и развития от рынка практически не зависела. Крестьянское хозяйство по-прежнему несло на себе традиционные функции воспроизводства семьи (народонаселения), крестьянской культуры и тягла перед государством [13]. Работа на рынок имела для него вспомогательное значение. Это обусловило сохранение и господство в целостной системе крестьянского хозяйства традиционной, небуржуазной, культуры.

В общем, в начале XX в. рынок не смог разрушить социально-трудовой основы крестьянского хозяйства. Это предопределило устойчивость традиционной деревенской экономики. Товарная форма хозяйственной культуры лишь интегрировалась в старую, патриархально-натуральную систему, модифицируя ее в потребительски-товарную форму, слабо влияя на социальную культуру и типы хозяйственного поведения крестьянства. Следовательно, сибирское и российское крестьянство в целом продолжало оставаться специфически российским, традиционным классом мелких земледельцев, не впитавшим в себя буржуазную хозяйственную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
2. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1967.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 239. Оп. 16.
4. История Сибири. Т. 3. Л., 1968.
5. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 года в Акмолинской области. Омск, 1917.
6. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.
7. Ковальченко И.Д. и др. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988.
8. Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX века (По бюджетным данным среднечерноземных губерний) // История СССР. 1983. № 5. С. 50–81.
9. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. Гл. 6.
10. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
11. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 303, 316.
12. Материалы по исследованию типичных переселенческих поселков, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.К. Кузнецова. СПб., 1912. Вып. 1.
13. Менталитет и аграрное развитие России в XIX–XX веках. М., 1996.
14. Обзор Томской губернии за 1914 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915. Приложения.
15. Обзор Томской губернии за 1916 год в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1921. С. 221.
16. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921.
17. Переселенцы, приселившиеся к старожилам Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927.
18. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Пг., 1917. Вып. 3.
19. Труды ЦСУ. М., 1921. Т. 5, вып. 1: По губернские итоги всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям.
20. Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
21. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
22. Управление делами Особого Совещания по продовольствию. Совещание уполномоченных 25–31 августа 1916 г.: Материалы. Пг., 1916.

Статья представлена кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 19 декабря 2005 г., принята к печати 15 января 2006 г.